

♦ ОТКРЫВАЕМ НОВУЮ РУБРИКУ:

«ГАЛЕРЕЯ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ»

ПОМНЮ Лариску Максимову гадким утенком. Нет, не утенком даже, а волчонком, всегда готовым огрызнуться и постоять за себя, худым и угловатым подростком с замашками озорника с городских окраин. Ей было тогда четырнадцать — возраст, когда девчонки уже начинают краснеть и краснеть ни с того, ни с сего, бегать на танцы и, замирая, ждать поклонения... Ни грамма женственности, которая так завораживает, так пленяет сейчас в ее Кармен, тогда в ней не было, это был мальчишка мальчишкой, с глазами опасными и отчаянными, с характером взрывным, непокойным и на принятие решений очень скорым.

И это было понятно, она выросла в заводском поселке, мама и папа работали в цехе на ЧТЗ и ни о какой дочкиной балетной карьере не помышляли. Ну бегают в студию Дворца культуры ЧТЗ и бегают, пусть ее — лишь бы на улицах не пропадали. И теперь, когда мама заслуженной артистки РСФСР Ларисы Максимовой сидит в партере и смотрит, как поднимается на встречу Гирею Зарема в «Бахчисарайском фонтане», как царственным движением плеча отбрасывает атласный халат и безоглядно вступает в танец, где сквозь терпкую и горькую канву

любви просвечивает ее трагедия и гибель, — ей, матери, не верится, что это ее Лора там, на сцене. До сих пор. Хотя Лора на сцене уже одиннадцать лет.

И кто знал тогда, кто мог подумать, какая тайна и какое обещание скрыто в не-

милія... Давай-ка, пройди одна.

Все отошли в сторонку, удивленные донельзя. Студийные примы, которые так и не дождались впоследствии своих лавров, и робкие девочки из последних рядов...

дию. В числе всего лишь шести выпускниц ее оставили в театре. В кордебалет, на задние линии, в массу. В неизвестные и безымянные солдаты балета. Ну время от времени давали станцевать соло в характерных номерах: испанских, цыганских, восточных... Все же было в ней что-то, что оставило взгляд и педагога, и балетмейстера, какое-то скрытое пламя, что рвалось и рвалось наружу — в

ра», потом к середине нашего разговора я услышала, что репетировать начли третий акт, испанский, и мне нестерпимо захотелось уйти, посмотреть Ларису, я знала, что она занята в испанском. Но у Виталия Николаевича был острый дефицит времени, а мы должны были договорить.

— Как вы считаете, — спросила я, — в какой форме сейчас ваши артисты? Ведь начало сезона для артиста балета особенно тяжело. Мышцы, отдыхавшие в отпуске, трудно собираются в работе, тело становится непослушным. Ведь даже пословица есть у артистов балета: «Не занимаюсь день — заметно только мне, не занимаюсь два дня — видит педагог, три дня — заметно зрителям...».

— Наш сезон начался месяц назад на «малых» гастрольях по городам области. Поэтому можно сказать, что артисты уже в форме. Это естественно, ведь буквально на днях у нас два ответственных события: первое выступление Александра Мунтагирова в роли принца Зигфрида в «Лебедином озере» и затем 13 октября творческий вечер заслуженных артистов РСФСР Ларисы Максимовой и Евгения Попова.

— Виталий Николаевич, если можно, немного о них.

— Что сказать об этой молодой семье... Сначала о Ларисе. Наверное. Вы знаете, что она не получила в юности той добротной клас-

сической платформы, которую дает только хореографическое училище. Но посмотрите на нее сейчас. Она танцует Зарему в «Бахчисарайском», Эгину в «Спартаке», Кармен... Ведущие партии. И я, наблюдая ее вот уже несколько лет, скажу, что этот успех — результат колоссальных затрат не только физического, но и духовного характера. Ведь несмотря на то, что у Лоры с виду очень сильный, резкий характер, те, кто ей близок, знают: человек она очень ранимый, хрупкий. Ее очень трудно заставить поверить в себя, в то, что она сможет, что у нее получится. И еще. Для успешной работы она, да и не только она, а любой артист балета должен иметь цель. Помните, у Гарсиа Лорки: «...стрела без цели плачет»? Вот Максимова очень изменилась, когда узнала, что будет вести «Кармен», танцевать Эгину в «Спартаке». Появились какие-то резервы сил и возможностей, которые заставляли бесконечно оттачивать вариации. То же самое случилось и с Поповым. Каждый новый ввод в спектакль, каждая премьера заставляют его работать все лучше и ответственнее. Помню, когда я ставил «Тиль», мне пришлось во многом диктовать ему рисунок роли. Ведь Тиль — характер острый, резкий, нервный, угловатый. А Попов все же более склонен к классике, к спокойным, мужественным, благородным героям. Так, необычайно удался ему Альберт в «Жизели» на гастрольях в Москве. То был случай счастливого синтеза,

когда техника переросла в образ. А вот уже работая с ним над партией Хозе в «Кармен», я был просто ошеломлен той силой темперамента, той подлинной страстью, что вдруг прорвалась в его танце. В общем, это была счастливая отдача того опыта, что он как-то исподволь копил в себе по крупинкам день ото дня.

Вот вы спросили о Лоре и Жене. Безусловно, предела совершенствованию мастера балетного актера быть не может. И им еще много надо работать. Но у них есть огромное преимущество — предпосылка дальнейшего роста. Дарование! Опять Гарсиа Лорка приходит на ум. Помните его слова о том, что в каждом человеке должен быть бес? Бес дарования. Вот природа очень щедро одарила обоих способностями. И это дает надежду на их непрерывное поступательное движение.

* * *

Наверное, ни в одном другом деле так, как в балете, полученное звание не приходится подтверждать и подкреплять ежедневным трудом.

Рабочее утро Евгения Попова начинается раньше, чем у Ларисы: мужской урок в 10 часов. Ведет урок педагог-репетитор Владимир Ильич Бейлин, и хотя внимание его распределено на всех, с Попова спрос все же чуть-чуть, но побольше, чем с остальных. Порядок урока вечен с незапамятных времен. Экзерсис у

станка, упражнения на середине зала, прыжки маленькие, прыжки большие, вращения. Ребята одеты с рабочей простотой, майки на них выцветшие — они старые, эти майки, просто до времени сгорели от пота и от каждодневных стирок.

— Что такое их урок? Темп, темп, темп и работа, работа, работа. Не до седьмого, а до десятого, до двадцатого, до сорокаго. И острые замечания педагога, независимо от того, премьеры или артист кордебалета.

— ...Вот эта заноска прилична, Женя, а с правой ноги было что-то неприличное!

— ...Сережа, разворачивай плечи! Спину держи! Ну хоть одну мышцу включи в работу!

И то же самое на женском уроке с 11 часов.

— Оля, куда закрутило тебя, туда и вертит! Ведь никакого сопротивления. Что ж ты!

— Лариса, подъем дотягивай, не забывай!

У Максимовой даже на уроке, даже в рабочей униформе все необычно. Гигантские зеленые глаза на бледном лице общающаяся утонченность и удлиненность облика, дивная свобода адажио и прыжков...

Что же их отличает от «солдат» балета? Это невозможно понять, какое-то чуть-чуть, которому нет имени. Или же это чуть-чуть столько многое в себя вмещает, что не хватает имен определить...

— Женя, — спрашиваю Попова, — а как вы узнали о присвоении вам звания?

— Я позвонил домой, когда вернулся из зарубежных гастролей. Лора взяла трубку и каким-то виноватым голосом говорит: «Женя, знаешь, мне присвоили, а тебе что-то нет»... Я говорю: «Ну и ладно, не расстраивайся, поздравляю тебя». А потом газету нашли, оказывается, обоим присвоили.

Говорят, часы идут, дни бегут, а годы летят. Одинадцать лет выходит на сцену оперного театра Лариса Максимова. Но можно ли сказать, что стаж этот дал уверенность в себе? «Никогда не привыкну выходить на сцену, абсолютно не смотрю в зал из зрительского зала, никого не вижу. Есть только музыка и роль. И всегда волнуюсь как в первый день премьеры».

Н. АНТОНЯН.

Фото В. Голованова.